

В реальной жизни, впрочем, если передо мной какая-нибудь обиходная брошюра, то я иной раз могу и наброситься на нее с ножом, как повар на курицу.

Девственная неразрезанная книга тоже, бывает, видом своих красных старинных томов влечет совершить кровопролитие и, разрезав, овладеть ею; но тут оружием будет уже нож для разрезания бумаги. Она будоражит тело и совесть, она подобна языческому идолу без статуи, ее берут руками здесь, там, ее переставляют и, в конечном счете, она сама себя создает, свою загадку. Неразрезанные сгибы страниц приглашают открыть, закрыть их, стать их хозяином. Это слепой поступок, и это почти не технический прием: здесь совершается покушение на хрупкость и непорочность. Под защитой этого акта внутренняя симпатия дойдет до газеты, но там ее воздействие будет уже вредным: тонкому организму литературы, божественному акту книги она станет внушать монотонность — невыносимые «колонки листа», которые станут распродавать на размер сотни и сотни раз.

Но! Но...

Я имею в виду: *а разве не может быть так* — вырваться и остаться? Ведь произведение, одно или, лучше, всего одно, должно удовлетворить потребности любопытства. Почему же взрыв величия, мысли или чувства, продолженные как фраза, как строка, крупным шрифтом, не могли бы держать читателя в напряжении на протяжении книги, вызывая к его энтузиазму? Вокруг шли бы мелкие отрывки слов менее важные, объясняющие или уточняющие, — «целые», «половинки», «четверти», «восьмые», «шестнадцатые», — фиоритуры.

Разве это аффектация — уловить в отголоске фразы, а пусть даже и прошляпить, но — звучащее? Я лично бываю снисходителен, если кто-нибудь, кого я приемлю, не заметил в своей строке то, что там есть, — необычное, декоративное, что-то между фразой и стихом, что-то похожее на это, — короче, если и оторванное от всех, то во имя ясновидения, во имя своей эпохи, где все это есть. Человек провозглашает свою интуицию; пусть теоретически, пусть без практической даты, даже впустую: но он знает, что такие предложения, которые достигают искусства литературы, должны быть точной поставкой. Колебания же, мешающие все открыть сразу, чего еще не существует, приводят к всеобщему удивлению и во имя стыдливости все закутывают вуалью.

Итак, придадим своим снам, еще до того, как начали читать, на лужайке парка, то внимание, которого заслуживает какая-нибудь белая бабочка, она и везде и нигде, и уже исчезла; и не без того, чтобы, пронзительная и невинная, к которой я свел свой сюжет, она только что не промелькнула туда и обратно — и настойчиво! — перед моим удивлением.